

Рождества пречистыя Богородицы монастырь // Новгородские епархиальные ведомости. 1898. №11. С. 656-674.

⁷ Определение Св. Синода от 10. 12. 1903 г. №5975 // Новгородские епархиальные ведомости. 1904. №2. С. 51.

⁸ Объявления о разрешении сбора пожертвований на восстановление Ферапонтова монастыря // Новгородские епархиальные ведомости. 1912. №17. С. 525; 1914. №7. С. 229.

⁹ Женская ремесленная школа при Ферапонтовом женском монастыре Кирилловского уезда Новгородской губернии // Новгородские епархиальные ведомости. 1905. №24. С. 1573-1577.

¹⁰ В. Ф. И. Из жизни недавно восстановленного Ферапонтова женского монастыря // Новгородские епархиальные ведомости. 1905. №4. С. 230-232.

¹¹ Т а и с и я, игумения. Торжества восстановления древней Антониево-Чернозерской пустынной обители // Новгородские епархиальные ведомости. 1911. №26. С. 861-863.

¹² П а в л о в и ч П. Сурский Иоанно-Богословский женский монастырь // Русский паломник. 1915. №33. С. 522-524.

¹³ О награждениях Таисии см.: Новгородские епархиальные ведомости. 1892. №10-11. С. 245; 1908. №22. С. 657-658; 1910. №15. С. 401-402; 1911. №32. С. 1055.

¹⁴ С в е т л о в А. Памяти игумении Таисии. Духовное завещание Таисии // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. №10. С. 353-356.

¹⁵ Журнал Новгородского Церковно-археологического общества. №2. // Новгородские епархиальные ведомости. 1914. №14. С. 448-452.

¹⁶ Т а и с и я, игумения. Сказание о Древнем Ферапонтове Богородице-Рождественском монастыре, бывшем в упразднении более ста лет, ныне снова восстановленном. СПб., 1904.

¹⁷ Т а и с и я, игумения. Духовные стихотворения. М., 1890; Духовные стихотворения игумении Таисии, настоятельницы первоклассного Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря. Изд. 5-е, дополненное. СПб., 1903.

¹⁸ А. К. Кончина игумении Таисии // Русский паломник. 1915. №13. С. 207-208; С. А. А. С. Памяти игумении Таисии // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. №5-8.

¹⁹ Стихи воспроизводятся по изданию: Т а и с и я, игумения. Духовные стихотворения. М., 1890.

Живопись и архитектура

Г. О. Иванова

Приходские церкви города Кириллова по архивным источникам

По российским городам и селам нередко еще можно увидеть белеющие руины приходских храмов, а иногда — и силуэт уцелевшей колокольни. Построенные безвестными мастерами, они, за редким исключением, не привлекали внимания историков русской архитектуры, и только выходявшая в последние годы серия книг «Дороги к прекрасному» поименовала и в черно-белых изображениях запечатлела немногие оставшиеся русские церкви XVIII — нач. XX века.

Уездный городок Кириллов издавна известен благодаря Кирилло-Белозерскому монастырю, и как в прошлом, так и в нынешнем столетии, путешественники, любящая величественным силуэтом древней обители, едва ли обращали внимание на имеющиеся в городе приходские храмы, купола и шпили которых возвышались над невысокой, преимущественно деревянной застройкой. Эти церкви фиксировали границы города, вокруг них постепенно формировались основные слободские, а позднее — городские районы, кладбища; мимо пролегли дороги, связывающие Кириллов с другими городами.

На Вологодской улице (ныне ул. Победы) и донныне стоит церковь Вознесения, на Белозерском тракте когда-то стояла церковь Николая Чудотворца, на Череповецком — церковь Двенадцати апостолов.

Большинство городских церквей возникло задолго до переименования подмонастырской слободы в город, до появления первого плана регулярной застройки.

Кирилловские церкви не избежали участи, постигшей большинство рядовых культовых сооружений русской провинции: их изувечили, в них размещали предприятия, склады, но, несмотря на все невзгоды, до настоящего времени в городе уцелели три из четырех существовавших ранее церквей.

В 1991 году общественность и приходская община, получившие во временное пользование церковь Сергия Радонежского в ансамбле Кирилло-Белозерского монастыря, поставили перед городскими властями вопрос о немедленном выведении из бывшего городского собора винного цеха и передаче храма общине. Оживление церковной жизни заставило обратиться к истории строительства храмов. Выявленный в последние годы изобразительный материал, архивные источники не только позволяют с большой достоверностью восстановить историю создания кирилловских церквей, их утраченный облик, но и назвать имена авторов проектов, строителей, рабочих. На страницах прихода-расходных книг, контрактов, списков жертвователей встречаются на удивление знакомые имена и фамилии, выплывают из небытия деяния предков нынешних жителей города. За скухими фактами, сухими колонками цифр оживает жизнь приходов — забытого и вновь обретаемого нами мира.

Самой ранней по времени возникновения, по-видимому, следует считать Казанскую церковь. Судя по описи Кирилло-Белозерского монастыря 1668 года, она принадлежала первоначально монастырю, но стояла вне его стен¹. Описание дает очень скудные сведения об архитектуре храма: «Да вне монастыря церковь деревянная пречистыя Богородицы Казанские с трапезою теплою. По левую сторону предел Иоанна Богослова, верхи шатровые, кресты и главы паяны белым железом...»². Над папертью церкви была устроена небольшая колокольня с пятью колоколами. Часть внутреннего убранства названа в документе «мирским строением». Не исключено, что этому небольшому шатровому храму предшествовала еще более ранняя постройка, из которой, видимо, и происходит известная икона «Преподобный Кирилл Белозерский» XVI века (находится в Государственном Русском музее). К моменту составления названной описи деревянная церковь имела, вероятно, солидный возраст, иначе трудно объяснить появление в 1700 году на месте деревянного нового полукаменного храма. О его строительстве сообщает церковная ведомость за 1918 год, ссылаясь на вкладную книгу 1693 года и опись 1713 года. Новая церковь уже принадлежала не монастырю, а подмонастырской слободе и описана как «... приходский храм... холодный каменный. По

левую сторону храм святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова теплый с трапезой и папертью. На верху четверик деревян, рублен... на четверике две шеи и главы круглыя деревянные, обшиты чешуею деревянною. На главах кресты железныя, местами золочены. Оба храма и алтари, и четверик, и трапеза, и паперть хрты тесом в зубец. Колокольня деревяная, рублена брусом, о четырех стенах, покрыта тесом, верх шатровый, глава и шея обита чешуей, на ней четыре колокола, под ней двой ворота»³. Судя по данному описанию, колокольня тоже выстроена заново, но трудно сказать, была ли она в одной связи с церковью или же стояла отдельно. Церковь 1700 года можно увидеть на гравюре с изображением Кирилло-Белозерского монастыря, созданной в 1720 году М. Нехорошевским. На гравюре колокольня отсутствует, а храм имеет три главы, хотя в описании названы два престола. Возможно, это объясняется тем, что художника больше заботила общая картина, чем детали и их соотношение. Место расположения церкви и прилегающего к ней комплекса гостиного двора и таможни обозначено верно: слева от въездной монастырской Казанской башни. Построенная во второй половине XVII века башня, вероятно, получила свое название по храму.

В 1776 году подмонастырская слобода получила статус города, и в связи с этим Казанская церковь была обращена в собор. В конце XVIII века встал вопрос о расширении собора и придании ему более представительного облика. Начался сбор пожертвований на строительство. В апреле 1810 года протоиерей собора Василий Кириллов, церковный староста и городской голова купец Петр Гостинщиков обратились к Новгородскому архиепископу за разрешением на постройку колокольни и теплой церкви. Одновременно началась заготовка строительных материалов. Осенью 1810 года и весной следующего года у кирилловских мещан Петра Проживина, Андрея Корепина и Василия Архипова куплено 115 тысяч кирпичей. Одновременно наняли мещанина Василия Гостинщикова для чистки старого кирпича от разбираемых печей и других строений⁴. Приобретали известь, тес, бревна, полосовое и грановитое (для колонн) железо.

Несмотря на хорошую сохранность расходных книг и других документов по собору, история его проектирования во многом остается загадкой. Ни в одном из документов имя автора проекта колокольни и теплой церкви не названо, но все источники однозначно указывают на разновременность проектирования теплого и холодного храмов. Обнаруженный недавно чертеж фасада и плана собора сопровождается надписью, из которой явствует, что благословение на сооружение колокольни и теплого храма давал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, тогда как на холодный

храм разрешение подписал уже митрополит Михаил, и произошло это 4 января 1819 года, то есть через шесть лет после завершения отделочных работ в теплом храме и на колокольне. В отличие от названных сооружений имя автора проекта холодного храма нам известно. В одной из расходных книг имеется следующая запись: «Планы, профиль и фасады для Соборной в городе Кириллове церкви во имя Казанской Божия Матери, сочинены господином коллежским советником и кавалером Александром Ивановичем Старовым в Москве 9-го июня 1817 года»⁶. Не подлежит сомнению, что речь идет о старшем сыне знаменитого зодчего второй половины XVIII века И. Е. Старова, прославившего русскую архитектуру такими сооружениями, как Таврический дворец в Петербурге, дворцовый ансамбль в усадьбе Никольское-Гагарино, собор Александро-Невской лавры. А. И. Старов (1772-1838) продолжил дело отца, но не унаследовал его славы.

Отказ церковного клира от строительства по одному из многочисленных типовых проектов (безусловно, доступных в условиях Кириллова) и обращение к столичному архитектору свидетельствуют как о недостаточности у города средств на постройку собора, так и о желании иметь достойное архитектурное сооружение.

А. И. Старову при проектировании холодного храма пришлось считаться с тем, что колокольня и теплый храм уже были построены. Судя по чертежу 1819 года и открытке начала XX века, колокольня представляла собой трехъярусное сооружение, венчавшееся высоким шпилем. Западный фасад первого этажа оформлен в виде четырехколонного портика с фронтоном над ним. Справа и слева от притвора были устроены палатки, увеличившие размеры западного фасада до ширины примыкающего теплого храма. Второй и третий ярусы колокольни имели высокие арочные проемы с замковым камнем и колоннами по сторонам. Низ проемов ограждали деревянные перила. Вход на колокольню первоначально осуществлялся, по-видимому, через дверь на южной стене юго-западной палатки по внутрискрипной лестнице. Примыкающий к колокольне теплый храм представляет в плане квадрат с двумя широко расставленными столбами квадратного же сечения. Некоторые особенности архитектуры теплой церкви (неодинаковая длина стен, следы распалубок над окнами) дают основание предполагать, что строители сохранили часть старой церковной постройки 1700 года.

Из записей расходов за 1811 год мы узнаем, что «колокольня кладена подрядчиком Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря штатным служителем Федором Васильевичем Матвеевским, и как она колокольня так и теплая церковь изнутри и снаружи щекотурены по договору ценою за 1800 рублей»⁷. Каменщики Спасо-При-

луцкого монастыря, находившегося недалеко от Вологды, издавна славились своим мастерством, и их приглашали на работы в другие волости и уезды, строили они и в Кирилло-Белозерском монастыре. На протяжении всего XIX века имена спасо-прилуцких мастеров встречаются неоднократно в связи с церковным строительством в Кирилловском уезде. Уже в декабре 1810 года Ф. В. Матвеевский получил задаток по договору 200 рублей. Разборкой же старой колокольни и спуском колоколов занимались кирилловские мещане Иван Потапов Меньшой и Матвей Башнин. В начале 1811 года работа по разборке деревянной колокольни была закончена, так как в феврале И. Потапов получил остаток договорных денег. О разборке стен и сводов теплой церкви, которая в отличие от колокольни была каменной, не упоминается. В основном работы по возведению колокольни закончили к концу 1811 года, поскольку уже в январе следующего года подрядчику, белозерскому купцу Родиону Локтеву, платили за кровельные работы на колокольне и приобретение бревна для устройства шпиля. Для его обивки у мещанина Якова Чухина был куплен в июне 1812 года ящик белого железа за 165 рублей. 20 июля того же года Ивану Сиротину уплачено за поднятие колоколов на колокольню, а в сентябре от теплой церкви и колокольни уже убрали строительные леса и мусор⁸. По-видимому, последним завершающим штрихом в декорировке колокольни следует считать установку в 1827 году четырех алебастровых ваз на углах третьего яруса. Эти вазы делал кирилловский мещанин Григорий Панов и получил за них 86 рублей⁹. В целом сооружение колокольни обошлось в 9209 рублей 49 копеек. Значительную часть этой суммы (7460 рублей) составили собранные в 1810-1812 годах добровольные пожертвования¹⁰.

В марте 1819 года вологодский цеховой мастер И. М. Сиротин начинает демонтировать иконостас старого холодного храма, а в апреле этого же года подрядчик М. А. Мезенцев получает задаток по договору на разборку этого здания. С Мезенцевым был заключен договор и на строительство холодного храма по проекту А. И. Старова: «По вновь утвержденному плану и фасаду с 1819 года марта 9-го дня, заключили условие, Вологодской округи водчины Спасо-прилуцкого монастыря села Коровничева крестьянином каменного дела мастером Михаилом Александром Мезенцевым в том, чтобы ему ...прежняго собора стены разобрать с очискою кирпича и с выемкою прежняго фундамента из земли, и новой сделать. По договору ценою за 2842 рубли и потом согласно утвержденному плану и фасаду произвести клажу, по договору 3638 рублей, а всего за разборку и клажу собора 7545 рублей»¹¹.

Отсутствие упоминания о ломке теплого храма, его архитектурные особенности, о которых говорилось выше, лишний раз убеждают в том, что строители сохранили часть постройки 1700 года, придав ее облику новые формы и прикрыв с востока и запада новыми сооружениями.

Как показано выше, в условия договора с Мезенцевым входила очистка кирпича от разобранного строения, и в апреле 1821 года он получил за эту работу 435 рублей¹². Новый же строительный материал для колокольни и собора поставляли местные жители. Обжигом и доставкой кирпича занимались Андрей Корепин, Василий Архипов и кирилловский мещанин Андрей Талицкий. Известь возили из-за реки Шексны, и основным ее поставщиком в течение почти полутора десятков лет был крестьянин деревни Ладудино Ольховской волости Кирилловского уезда Семен Анкудинов¹³. Кузнечные работы: ковку гвоздей, «грановитого» и «резного» железа для колонн, связей, оконных решеток и подвесок для колоколов выполняли Иван и Яков Чухины. На более ответственные работы, связанные с изготовлением резьбы и золочением иконостасов, перекрытие кровель сложных очертаний приглашали мастеров из Вологды, Белозерска или нанимали опытных работников из помещичьих имений. Так, например, отливку капителей на колонны колокольни осуществлял дворовый человек Викула Иванов, крепостной помещика Лескова¹⁴.

В основание холодного храма первый камень был положен 1 марта 1820 года¹⁵, а наиболее значительные отделочные работы в интерьере завершены, по-видимому, в 1825 году.

Сравнение Старовского проекта с законченным сооружением убеждает, что Мезенцев не позволил ни малейшего отступления от замысла архитектора. В плане собор представляет равноконечный крест с примыкающим с востока полукружием алтаря. Фасады обработаны горизонтальным рустом, южный и западный входы оформлены портиками с фронтонами. Пологий купол покоится на приземистом барабане с полуциркулярными окнами. Над входами и оконными проемами сохранились прямоугольные углубления, которые, судя по проекту, предназначались для барельефов. Барельефы, по-видимому, не были выполнены. Об отливке алебастровых капителей для колонн собора и колокольни есть запись в расходных книгах под 1812 и 1822 годами¹⁶, поэтому трудно допустить, что затраты на изготовление десяти барельефов были забыты или пропущены. Возможно, их сочли слишком дорогим декоративным излишеством. В целом архитектура собора выдержана в суховатом, но ярко выявленном стиле строгого классицизма: четкость плана, простота и соразмерность объемов, сдержанность в декорировке.

Старовский проект логично завершил объединение разновременных и стилистически разнородных объемов. Казанский собор наиболее профессиональная в архитектурном отношении церковная постройка города, его строгий и непритязательный облик удачно соотносится с суровой красотой монастырских стен и башен. Налет провинциального примитивизма в трактовке отдельных деталей собора — следствие переделок второй половины XIX века, когда в соборе проводился большой ремонт. В 1888 году крестьянин Мохов перекрывал кровлю на теплом соборе и колокольне, обшивал железом колонны, плотник Васиан Максимов переделывал крыльца холодного собора, карнизы, менял стропила¹⁷. Тогда, вероятно, колонны колокольни и холодного храма и лишились коринфских и ионических капителей. Сохранились лишь две розетки и накладная коринфская полукапитель над западным порталом.

К отделке интерьеров заказчики отнеслись с той же серьезностью, что и при сооружении самого собора. Пол в соборе был выложен белым привозным камнем, который доставляли по воде через Белозерск. В 1824 году часть каменных плит (388 штук) привезли из Вологды к пристани по реке Порозовице, и оттуда крестьянин деревни Климушино В. Алексеев возил их к собору. Настилку полов осуществил Михаил Мезенцев, получив за эту работу 165 рублей¹⁸. Большинство мастеров, работавших на строительстве и отделке собора, владели множеством специальностей, но наиболее универсальным среди них был вологодский цеховой мастер Иван Михайлович Сиротин. Впервые его имя упоминается в расходной книге в сентябре 1812 года, когда он красил двери и рамы колокольни, последнее упоминание относится к сентябрю 1826 года¹⁹. За эти четырнадцать лет Сиротин показал себя как отличный столяр, резчик, позолотчик, маляр, токарный мастер. Церковное руководство доверяло этому человеку, он несколько раз служил посредником при передаче денег подрядчикам, жившим в других городах. Сиротин золотил крест на соборе, делал церковную мебель, он же выполнял и золотил резьбу нового соборного иконостаса, золотил и красил металлические решетки у солеи, ремонтировал церковную утварь. В новом храме сохранились три престола: в теплом отделении слева — апостола Андрея Первозванного, справа — Богоматери Боголюбской; престол холодного собора был освящен в честь Богоматери Казанской. Старые иконостасы полностью разобрали и 43 иконы, из них царские и пономарские врата, гумбы нижнего яруса переданы в Николаевскую Волокославинскую церковь Кирилловского уезда²⁰. Из старых образов для новых иконостасов оставили, по-видимому, немногие, преимущественно особочтимые — с изображениями преподобного Кирилла Белозер-

ского и Казанской Богоматери. Драгоценный оклад для последнего был заказан еще в 1809 году. Серебряную золоченую ризу, обложенную «драгоценными камнями», делал выдающийся вологодский серебряник И. М. Зуев²¹, много работавший по заказу Вологодского архиерейского дома, принимавший участие в губернской выставке 1837 года. Произведения Зуева хранятся в музеях Москвы, Вологды. Впоследствии Зуева еще дважды привлекали к украшению икон собора: в 1843 году он изготовил «серебряную с позолотою... и украшенную на бархате жемчугом ризу за 2424 рублей» для другой иконы «Казанской Богоматери», а в 1851 году — серебряный оклад для иконы «Богоматерь Тихвинская»²².

Иконостасы в теплой церкви ставил в 1811 году столяр Иван Потапов Большой, но судя по выплаченной ему сумме — 17 рублей, он едва ли сам их изготавливал²³. Скорее всего, Потапов монтировал уже готовую конструкцию. В 1859 году эти иконостасы заменили сделанными в Петербурге по рисункам академика Г. Солнцева. Тогда же в северную столицу заказали образа для теплого храма. Заказы выполнил «иконописец двора его императорского величества» Г. Пошехонов²⁴. В холодной же церкви с 1825 года и до закрытия собора стоял иконостас работы вологодского цехового мастера — резчика И. М. Сиротина и белозерского посадского столяра И. Т. Дьяконова (Ригина). Иконы в холодный храм писал крепостной помещика Орлова иконописец Петр Иванов, отпущенный на заработки в Москву. В 1824-1826 годах ему было уплачено за написание икон 1350 рублей²⁵. Кроме икон, в интерьере церкви находились еще две картины, «Воскресение» и «Снятие со креста», купленные в 1825 году в Санкт-Петербурге у академика живописи В. И. Мошкова — одного из первых русских художников-баталистов²⁶.

Поскольку установку иконостасов завершили летом 1825 года, то службы в холодном соборе начались, вероятно, в 1826 году, хотя отделочные работы в интерьере продолжались и в дальнейшем. В 1835 году дворовый человек помещика Жандра И. А. Зимин расписывал «алтарь золотыми звездами и карниз под лепную работу», за что и получил 120 рублей²⁷.

Церковную утварь для собора приобретали в Москве через комиссионеров. В августе 1825 года закуплено церковных сосудов и других необходимых предметов на 1976 рублей, в том числе «паникадило медное белое трехъярусное» за 800 рублей²⁸. В 1829 году на фабрике купца Ф. Молчанова через посредство новозерского иеромонаха Вениамина приобретено за 1120 рублей большое Евангелие в серебряном золоченом чеканной работы окладе, усыпанном бирюзой и яхонтами²⁹.

Собор был обнесен вокруг палисадником и обсажен в 1824 году липами, привезенными с Уломской дачи³⁰.

Предметом особой заботы церковного причта являлись колокола: их вес, благозвучие, чистота тона. На новую колокольню их поднимали летом 1812 года, но состав их неизвестен. Вероятней всего это был подбор еще со старой колокольни. В 1825 году на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде был приобретен колокол весом 25 пудов 18 фунтов. Доставил его в Кириллов волокославинский крестьянин А. Г. Хренов, а поднимал на колокольню М. А. Мезенцев. Покупка, привоз, подъем и подвеска данного колокола обошлись церковной казне в 140 рублей 17 копеек. Другой колокол весом 115 пудов 10 фунтов (1844 кг) был приобретен в 1849 году на заводе московского купца М. Г. Богданова³¹. В конце XIX века он разбился, и на его место в 1895 году купили новый в 120 пудов, изготовленный на заводе Оловяшников в Ярославле. Обливка этого колокола обошлась в 1442 рубля 91 копейку³².

Разрушили колокольню в конце 1935 или в начале 1936 года. Старожилы рассказывают, что шпиль был сдернут трактором с помощью тросов. Колокола еще раньше увезли в переплавку. Не одно столетие собор служил средоточием городской жизни, у его стен до середины нашего столетия дважды в год собирались многочисленные ярмарки, а до воскресеньям шумели базары.

В 1828 году к собору была приписана деревянная церковь Модеста патриарха Иерусалимского, находившаяся на кладбище. Ее внешний вид можно представить по упоминавшейся выше гравюре 1720 года. Судя по изображению, это был пятишатровый храм с отдельно стоящей колокольней. Кливровые ведомости за 1820-е годы отмечают уже ветхость обеих построек. Церковный причт, очевидно, упразднили еще до приписки церкви к Казанскому собору, и с 1829 года службы в ней совершались священниками собора лишь в храмовый праздник и по умершим.

В 1828 году грозившую обрушением колокольню убрали, а на ее место поставили столб с навесом для колокола. Недолго простояла и сама церковь, ее разобрали на дрова в 1838 году³³.

Но еще до ее разрушения городские купцы (Лазарев, Каменский, Гостинщиков, Шушерин, Котельников, Коквин, Булычев, Кемский) организовали сбор пожертвований и подписали прошение о постройке новой церкви при кладбище. На постройку свезли остатки кирпича от Казанского собора, составили новые договоры с прежними поставщиками, а 20 апреля 1832 года митрополит Новгородский Серафим утвердил представленный план и фасады церкви Двенадцати апостолов при кладбище³⁴ — таково стало ее новое название. Кто составлял проект церкви неизвестно, но ординарность архитек-

туры наводит на мысль об использовании одного из типовых проектов.

С 1810 года в России строительство казенных зданий и церквей находилось в ведении Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, строго регламентировавшего означенную деятельность. Для этой цели в 1824 году был выпущен в свет альбом «образцовых» церквей, подготовленный архитектором А. А. Михайловым. В свою очередь, епархиальное начальство следило, чтобы вновь проектируемые храмы соответствовали разработанным в духе классицизма образцам из этого альбома. Отечественные писатели не единожды осмеявшие фасады с колоннами, одинаковые во всех уголках России, едва ли подозревали, что всего через полтора столетия такие церкви станут архитектурными достопримечательностями.

Церковь Двенадцати апостолов строил уже знакомый заказчиком по строительству колокольни Казанского собора подрядчик Ф. В. Матвеевский. Договор с ним был подписан, вероятно, в 1832 году, поскольку в октябре этого года он получил в счет договорной суммы 250 рублей³⁵. Осветили кладбищенскую церковь в 1836 году. Она представляла собой небольшой кубический объем, перекрытый куполом, к фасадам приставлены трехчетвертные колонны.

Одноярусный иконостас для данной церкви делали кирилловский столяр Александр Гостинщиков и белозерский резчик Яков Пилигин³⁶. Вологодский «мастеровой» К. К. Комаровский окрасил его под слоновую кость и позолотил резьбу. Иконы, как и для Казанского собора, заказывали в Москве у купца Г. В. Рогова.

Поначалу у церкви не было даже колокольни, поскольку мирских средств едва хватило на строительство самого храма. Позднее деньги нашлись, и в 1838 году священник и староста выхлопотали разрешение на ее устройство. В 1840 году в Москве был приобретен двадцатипудовый колокол, и это обстоятельство позволяет предположить, что именно указанный год стал временем завершения строительства небольшой двухъярусной колоколенки³⁷. Церковь и кладбище первоначально были обнесены оградой «на каменных столбах», но к настоящему времени от нее сохранились лишь остатки массивных ворот.

Ко второй половине XIX века вокруг кладбищенского комплекса сформировался целый городской район под названием «Копань» (здесь селились ссыльные поляки, евреи), и кладбище пришлось закрыть. В конце столетия на берегу Лохты (залив Сиверского озера) построили трехэтажное здание духовного училища, долгие годы находившегося в стенах Кирилло-Белозерского монастыря. Воспи-

танники училища — бурсаки — стали основными прихожанами церкви Двенадцати апостолов.

В середине 1930-х годов колокольню церкви Двенадцати апостолов разобрали, а в самом храме около 1932 года устроили электростанцию. После Великой Отечественной войны к западному фасаду храма сделали пристройку, в которой некоторое время находилась «мукомольня».

Вместо закрытого кладбища новое было устроено в 1879 году на северо-восточной окраине города вблизи приходской церкви Вознесения. О том, кем и когда была поставлена здесь первая церковь, документы умалчивают. Известно лишь, что стоявшая на этом месте деревянная церковь сгорела, видимо, в начале 1790-х годов, и церковный староста и подрядчик заключили контракт на строительство нового, уже каменного храма; «1796-го года сентября 1 дня Вологодского уезда экономического ведомства села Коровничева Выпрягова тож, крестьянин Давид Дмитриев сын Плехов договорился в Новгородской губернии города Кириллова церкви Иоанна Воина со священником Петром Иосифовым с причетником церковным старостой Яковом Семеновым и приходскими людьми. По подписанному его высокопреосвященством Гавриилом митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским плану и фасаду, вместо загоревшей Иоанновской церкви на том месте, где она была. Из церковного кирпича возвести вновь на сделанном мною фундаменте надлежащего каменную церковь Вознесения господня с приделом внутри оной <с алтарем> великомученика Иоанна Воина. В длину, вышину, ширину, <и стены> толщину против вышеписаного плану и фасаду в плане производит во всем том планом положены»³⁸.

Приведенный документ интересен во многих отношениях. Во-первых, он указывает место и называет имя подрядчика, кстати, человека неграмотного. Вместо него контракт подписали священник церкви Николая Чудотворца «что на Палухе» Федор Васильевич Васильев и «каменного дела мастер» из артели Плехова Андреян Семенов. Впоследствии именно этот каменщик и сын Плехова Николай расписывались за подрядчика при получении денег. Во-вторых, помимо общих указаний о следовании утвержденному плану и фасаду, подробно расписаны длина, высота, ширина здания и отдельных его частей.

Средства на строительство данной церкви собирались с помощью «сборной книги» в Кирилловском и Белозерском уездах, но этих денег, видимо, не хватало, и в декабре 1798 года городское общество составило «приговор», который обязывал со следующего года ежегодно давать на церковь из «полавочных» денег, т. е. от торговой пошлины, по 100 рублей³⁹.

По Вознесенской церкви сохранился редкий подбор документов: несколько контрактов на заготовку кирпича и на писание икон, расписки, описи, клировые ведомости. Эти документы тем более любопытны, что многие из них относятся к концу XVIII века. Так, в 1794 году наместник Кирилло-Белозерского монастыря иеромонах Иакинф и казначей того же монастыря иеромонах Платон дали расписку священнику и церковному старосте в том, что «отдается из оного монастыря начищенного из ветхого строения кирпича до двадцати тысяч, в каждую тысячу полагая по девяти сот целого и по сту кирпичей половину, за каждую тысячу по пяти рублей, за который кирпич и получено ныне наперед задаток пятьдесят рублей...»⁴⁰. Речь, по-видимому, шла о кирпиче от рухнувшей в монастыре Косой башни. Традиция разборки строений и использования старого кирпича в новом строительстве исчезла уже в наше время, вероятно, из-за очень плохого качества материала. Тогда же очищенный кирпич ценился не меньше нового, что видно из другого, близкого по времени к процитированной расписке документа. Староста Вознесенской церкви в 1808 году подписал договор с кирилловским мещанином А. Талицким на резку и обжиг кирпича, поскольку надо было делать церковную ограду, ремонтировать печи. По этому договору подрядчик обязуется «в своих сараех вырезать кирпича пять тысяч длиною изобжечь семи верхов, попереч четырех, толщиною двух верхов. И обжечь... в своей зделанной печи своими дровами, по обжиге весь бы алой и красной издал...»⁴¹. Цена нового кирпича такая же, как и старого — 5 рублей за тысячу.

Вознесенская церковь, как и городской собор, состояла из теплого и холодного отделений. Престолы каменной церкви остались с тем же посвящением, что и в прежней деревянной: в холодной — Вознесения, в теплой — великомученика Иоанна Воина. Основные строительные работы и освящение одного из отделений, по сведениям клировой ведомости, относятся к 1798 году. Вместе с тем расписки в получении денег от 18 сентября 1803 года свидетельствуют, что какая-то часть работ была не закончена и продолжалась в дальнейшем. То, что службы могли начаться в 1798 году, доказывает и расписка старосты в получении колоколов из Кирилло-Белозерского монастыря. Как известно, лишенному указом о секуляризации многих привилегий и угодий, монастырю пришлось избавляться от «лишнего» имущества, поэтому в июне 1798 года пять колоколов общим весом 20 пудов 35 фунтов были проданы приходской церкви⁴². Это очень небольшие колокола, но можно допустить, что кое-что уцелело и от прежнего состава с колокольной Вознесенской церкви. Купленные в монастыре колокола могли пойти «в промен» или переплавку при изготовлении колокола больших размеров.

Опись имущества церкви Вознесения за 1828 год перечисляет уже только четыре колокола, самый большой из которых весил 21 пуд 15 фунтов, затем следуют два колокола — в два и один с небольшим пуда и четвертый — 31 фунт весом⁴³.

Церковь Вознесения — небольшой, продолговатый в плане храм с куполом, посаженным в центре основного объема и трехъярусной приземистой колокольной над притвором, окна арочной формы с архивольтами суховатого рисунка. Средние прясла южной и северной стен акцентированы пилястрами и фронтоном. Углы основного объема подчеркнуты рустовкой.

Сохранились два чертежа Вознесенской церкви 1850 и 1863 годов⁴⁴. Появление первого связано с устройством вокруг храма ограды на кирпичных столбах, а второго — со строительством по сторонам колокольной одноэтажных пристроек под сторожку и кладовую. Как уже отмечалось, епархиальное управление очень пристально наблюдало за архитектурным обликом храмов и часовен. Любой, самый незначительный ремонт, а тем более перестройки осуществлялись только с согласия высокого начальства, что влекло за собой, помимо официальных прошений, еще и представление чертежей.

О мастерах, делавших интерьеры данной церкви, сведений не сохранилось, но можно предполагать, что выполнялись они местными силами. Упомянутая опись 1828 года дает нам следующие сведения об иконостасах: «Иконостас столярной работы на красках, цвету пурпуровского, с 6-ю колонками, в приличных местах с резьбою, над царскими вратами сияние, свыше оного два ангела резные»⁴⁵. Решетчатые царские врата традиционно имели изображения «Благовещения» и евангелистов. На пономарских и дьяческих вратах были изображены архангелы Михаил и Гавриил, кроме троих врат, в нижний ряд иконостаса входило еще 7-8 икон, в том числе и образ Кирилла Белозерского, который присутствовал во всех местных храмах. Второй ярус иконостаса состоял из пяти круглых клейм с изображениями праздников. Иконостас в приделе Иоанна Воина был, по-видимому, одноярусным⁴⁶.

В 1866 году церковный причт провел основательные ремонтные работы. Первого августа этого года был заключен контракт с вологодским цеховым мастером Прокопием Аполлоновичем Пастуховым на устройство в приделе иконостаса «с орнаментами и аркой по чертежам... вызолотить по прочному полименту червонным золотом»⁴⁷. Помимо устройства и золочения иконостаса, Пастухов обязался окрасить также стены, полы, своды, двери, окна изнутри и снаружи. Установку иконостаса и все договорные работы Пастухов

закончил через год к оговоренному контрактом сроку и получил 1100 рублей⁴⁸.

Другой контракт 1866 года связан с изготовлением икон: «Санкт-Петербургского временного цеха мастер иконописец Петр Иоанов Наговицин и Кирилловский градской Вознесенской церкви церковный староста Кирилловский купеческий сын Алексей Иванов Башнин заключили сие предварительное условие в том, что я Наговицин подрядился сделать по данному мне и подписанному самим Башниным рисунку, величине и размеру икон какия назначены имена святых. Иконы должны быть написаны в греческом виде, как головы, так и платья, писанныя лучшими, прочными масляными красками. Фон и поля у икон должны быть вызолочены. Икон местных 21, клейм 31... Вышеозначенные иконы обязуюсь приготовить к 1 февраля 1868 года и упаковать в ящики на мой счет..., до г. Кириллова провоз должен быть Башнина. За вышеозначенные иконы мне Наговицину получить с него Башнина 1000 рублей серебром»⁴⁹. По неизвестным причинам договор с Наговициным был расторгнут, о чем на этом же документе ниже основного текста есть запись от 20 декабря 1867 года. Предложенный иконописцу рисунок, видимо, давал представление о форме и местонахождении икон в иконостасе. Местный ряд, судя по перечню, предполагался из икон традиционного, прямоугольного формата, а выше размещались круглые либо овальные клейма.

Упомянутый в контракте староста А. И. Башнин являлся одним из членов известного в Кирилловском и Белозерском уездах рода резчиков и позолотчиков, работавших на местный рынок. Есть сведения об одном из Башниных, работавшем по заказу в ФерAPONTOBE еще в конце XVIII века. Известно также, что сын вышеназванного Алексея Иван в 1912 году выполнял заказ одной из уездных церквей, о чем сообщалось в Новгородских Епархиальных ведомостях⁵⁰. Городские старожилы еще помнят деревянный дом Башнина в Солдатской слободе (ныне ул. Гагарина). В его нижнем этаже находилась небольшая лавочка, где продавались резные киоты и другие украшения для икон.

Вознесенская церковь, будучи приходской, одновременно являлась и кладбищенской. Кладбище получило название «Ивановского», так как церковь больше именовалась в городе по ее приделу — Иоанна Воина, — чем своим официальным названием. В обиходной речи горожан еще недавно можно было слышать такие выражения «понесли к Ивану Воину», «пора к Ивану Воину», что означало путь к последнему земному пристанищу. В 1885 году на кладбище поставили небольшую каменную часовню, где и стали совершать отпевания. Церковь, часовня, кладбище уцелели. Вознесенская цер-

ковь сохранила даже колокольню и по праву считается одним из старейших каменных строений в городе.

Второе городское кладбище находилось за юго-западной окраиной города, именуемой «Обшара». Вдоль кладбища тянулся оживленный Белозерский тракт. По желанию купеческой жены Марии Ивановны Сизьминой и на ее средства при кладбище построили церковь Николая Чудотворца, освятили ее 27 июля 1894 года. Помимо денег, пожертвованных на постройку, купчиха положила в банк на счет церкви 9700 рублей, проценты с которых шли на содержание храма и причта⁵¹.

Во второй половине XIX века Сизьмины, наряду с Симоновыми и Вальковыми, являлись наиболее богатыми купеческими семьями в городе и щедрыми жертвователями. Например, на средства П. И. Симонова в 1916 году построено самое большое городское здание — Народный дом (ул. Преображенского, 4), в котором размещаются сейчас Дом культуры, библиотека, магазины.

Представление об архитектуре Никольской церкви дает описание, составленное в 1894 году, сразу по завершении строительства: здание «в виде параллелограмма, шириной внутри 3 сажени 1 четверть, в длину 5 сажений, 2,5 аршина до иконостаса, алтарь полукружный. Под колокольной паперть, сторожка со входами на колокольню, крыльцо под железною крышей, 8 окон, 3 печи, решетки, пол окрашен охрой, стены под мрамор, а выше — цвет моря. Колокольня 4-х гранная с 8-ю прорезями для колоколов, украшена уступами и карнизами. На храме 5 небольших глав с крестами, на алтаре одна; на колокольне одна, крыша окрашена медянкой»⁵². Колокольня имела шатровое завершение, и висело на ней 7 колоколов общим весом немногим более 39 пудов. Самый большой двадцатипудовый колокол украшала надпись: «О здравии Иоанна и Марии»⁵³. Сизьмина не только выстроила храм, но и полностью его отделала и снабдила утварью на собственные средства. В надписи на заздравном колоколе названы имена строительницы и, вероятно, ее сына. Иконостас в церкви был «столярной работы», окрашенный в голубой с золотом цвет, и состоял из двух ярусов икон. Вокруг церкви сразу же устроили ограду «из толстых досок стоймя с одними воротами»⁵⁴.

К сожалению, церковь Николая Чудотворца не уцелела, ее «разобрали на кирпич» в 1950-е годы, и сейчас среди заброшенных могил и зарослей тополя едва обнаруживаются остатки фундамента. Еще раньше утратили свои колокольни Казанский собор и церковь Двенадцати апостолов, а церковь Вознесения хотя и сохранилась лучше других, но ее современное использование вряд ли может считаться разумным (в ней размещается автопредприятие).

Некоторые попытки уберечь старую архитектуру, придающую своеобразие облику города, предпринимаются в последние годы. В 1987 и 1991 годах Вологодский облисполком принял решение о постановке на государственную охрану как памятников местного значения 25 зданий в г. Кириллове. В их числе бывшие дома местного купечества, часовни, земская больница, тюрьма и сохранившиеся церкви. Однако за дальнейшую благоприятную судьбу этих памятников трудно поручиться. Городское благоустройство производится достаточно примитивными способами, что привело уже к уничтожению дренажных систем, подтоплению зданий. По мере бесконечного наращивания асфальтовых дорог и тротуаров старые дома все больше «утопают», их стены погружаются в непрорыхляющую закупоренную землю. Активная подсыпка на площадках современного строительства приводит к тому, что городской центр и Кирилло-Белозерский монастырь оказываются искусственно заниженными по отношению к окружающим новостройкам. Изменились и все видовые акценты и соотношения. Сохранить же старые особняки и храмы необходимо не только потому, что без них невыносимо убогой будет картина старого города, но и, главное, потому что потомки купцов и мещан Гостинщиковых, Потаповых, Чухиных, Архиповых, Пановых живут в городе, рядом с творениями своих дедов и прадедов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савваитов П. Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 г. // Записки отделения Русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. II. СПб., 1861. С. 126-343.

² Указ. соч. С. 339.

³ Отдел письменных источников Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. (Далее: ОПИ КБИАХМ) Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. Л. 154. — 154 об.

⁴ ОПИ КБИАХМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 12-17.

⁵ Там же. Б/н.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Д. 224. Л. 12 об., 14, 27 об., 29, 31, 32, 33.

⁹ Там же. Д. 227. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 225. Л. 5 об., 19.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Там же. Д. 224. Л. 76 об.

¹³ Печи для обжига извести существовали около деревни Ладунино до 1960-х годов.

¹⁴ ОПИ КБИАХМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 32.

¹⁵ Там же. Д. 225. Л. 23 об.

¹⁶ Там же. Д. 224. Л. 32, 85.